

Глава 1

ФИОНА

Флорида, 2017

Меня разбудил телефонный звонок. Должно быть, это была фаза глубокого сна, потому что я слышала этот звонок сквозь сон, но мне казалось, что он — часть моего сна, и я не отвечала. Так что я открыла глаза только где-то на четвертом звонке.

Повернувшись на бок, я нашарила на прикроватной тумбочке телефон, схватила его и нажала кнопку ответа.

— Алло?

Женский голос с сильным итальянским акцентом произнес:

— *Бонджорно*¹. Мне нужна Фиона Белл. Это правильный номер?

Глядя на тусклый свет занимающегося утра, я приподнялась, опершись на локоть, и прищурилась, глядя на часы. Еще даже не было семи утра.

— Да. Это Фиона.

— *A, bene*², — сказала женщина. — Меня зовут Сераина Моретти, и я звоню из Флоренции, Италия. У меня есть для вас новости. Правда, боюсь, они не будут хорошими.

¹ *Buongiorno (ut.)* — доброе утро.

² *Bene (ut.)* — хорошо.

Оперев голову об изголовье кровати, я прижала ладонь ко лбу и крепко зажмурилась. Если эта женщина звонит из Италии, это может означать только одно. Это связано с моим отцом. Моим настоящим отцом. Которого я никогда не видела.

— В чем дело? — невнятно спросила я, пытаясь заставить работать сонный мозг.

На том конце телефонной линии повисла долгая пауза.

— Простите меня. Я только что сообразила, сколько у вас времени. Кажется, я неправильно подсчитала разницу во времени. Я вас разбудила?

По окнам моего дома во Флориде застучали тяжелые капли дождя, пальмовые ветви захлопали по стеклам.

— Да, но ничего страшного. Мне все равно пора было вставать. Так в чем же дело?

Женщина прокашлялась.

— Мне очень жаль сообщать вам это, но ваш отец, Антон Кларк, прошлой ночью скончался.

Ее слова звучали у меня в ухе, но я не могла ни осознать их, ни сообразить, что же нужно сказать в ответ.

Я приподнялась, стараясь сесть повыше, и попыталась придумать нужные слова. Мне хотелось сказать правильные вещи, но это было не так-то просто, потому что в моей голове, словно торнадо, вихрились эмоции. Конечно, когда кто-то умирает, это всегда ужасно — и мне было очень жаль, — но этот человек был мне совершенно не знаком. Я не знала о нем ничего, кроме того, что моя мать забеременела от него, когда они с папой были в Тоскане тем ужасным, трагическим летом тридцать один год назад.

Я не имела представления, что же произошло между этим человеком и моей матерью, потому что мама

была под действием сильных лекарств и не могла — а может быть, не хотела — вдаваться в подробности, швыряя в меня эту гранату. Она уже была при смерти и, должно быть, тоже понимала это.

— Не смей говорить об этом отцу, — сказала она. — Он думает, ты его дочь, и правда его убьет.

Так что вот. Мама не сказала мне про моего настоящего отца ничего, кроме его имени и национальности, но наложила на меня в мои восемнадцать лет обет молчания и убедила в том, что если я когда-нибудь начну задавать вопросы насчет своего зачатия или проболтаюсь о чем-то, то буду в ответе за смерть своего отца.

Так что следующие двенадцать лет я хранила этот ее секрет, потому что верила — правда на самом деле может убить моего отца. Я и сейчас продолжала в это верить — в том состоянии здоровья, в каком находился мой отец, каждый прожитый день был и испытанием, и благословением. И я держала тайну своей матери погребенной в самых темных глубинах своего сознания. Я заставила себя забыть о том, что она мне сказала. Я вытеснила это из своего мозга. Притворилась, что этого не было, что это всего лишь часть одного из моих ночных кошмаров.

Но вот из Италии звонит женщина, которая что-то об этом знает.

— Мне очень грустно слышать это, — сказала я. — Как это произошло?

— Это был внезапный обширный сердечный приступ, — объяснила женщина. — Он скончался еще до приезда «Скорой помощи», и они не смогли ничего сделать. Я надеюсь, вас немного утешит то, что смерть была быстрой. Он находился в своем доме. Он не был один.

Я с трудом сглотнула.

— Понятно. — *В своем доме*. Внезапно от этого он стал для меня более реальным — настоящий, живой человек, который существовал всегда, всю мою жизнь, а теперь умер. Вот так просто. И его больше нет на этой планете. Его опустят в землю. Зароют. И это будет не просто где-то в моем сознании. Я никогда его не увижу.

— Ну... Хотя бы это хорошо... что он не мучился.

Наступила неловкая тишина, и мне стало стыдно, что я не испытываю никакого горя, но что я могла поделать? Я чувствовала только неловкость и своего рода болезненное любопытство, думая, правда ли, что я больше не смогу его увидеть. Я ведь даже не знала, как он выглядел. Он же не сможет воскреснуть?

И тут до меня дошло — мой настоящий отец не только знал о моем существовании, но считал меня достаточно значительной для того, чтобы мне сообщили о его кончине. Я-то всегда думала, что моя мать хранила свой секрет и от него тоже.

— Простите, — сказала я, отчаянно стараясь заполнить паузу. — А как вы связаны с моим... — Мне с трудом удалось выдавить из себя это слово. — Откуда вы знали моего отца?

— Я снова должна извиниться, — ответила она. — Мне следовало представиться. Я работаю в юридической конторе Донателло и Коста. Мы были официальными представителями вашего отца в Италии, и я звоню вам именно поэтому.

Я еще выше приподнялась на подушках, чувствуя, что окончательно проснулась.

— Ваш отец признал вас своей наследницей по завещанию, — пояснила она. — И нам нужно, чтобы вы подписали соответствующие бумаги.

— Погодите... Он — что? — Казалось, мое сердце сейчас провалится куда-то в желудок.

— Похороны пройдут в понедельник, после чего в Тоскане будет официальное прочтение завещания для членов семьи. Фиона, я понимаю, что это очень короткий срок, но вы сможете прилететь?

Я ощущала быстрый, резкий прилив жара во всем теле при мысли о самостоятельном путешествии в Европу, чтобы встретиться с семьей человека, которого я никогда не хотела — и не ожидала — узнать. Что бы он мне ни оставил, я этого не хотела. Этот человек принес моей матери лишь неприятности и позор в день ее кончины. Я видела все своими глазами, когда она рассказала мне правду. Лежа на смертном одре, она с трудом об этом говорила. Что бы между ними ни случилось, для нее оно не было приятным воспоминанием.

Ну и, кроме того, как я объясню все это папе? Любящему отцу, который вырастил меня? Я же не могу вот так взять и признаться в том, что была нечестна с ним больше десяти лет. Что я на самом деле не его дочь, да еще хранила от него такой важный секрет. Это просто разобьет ему сердце. А он и так столько всего пережил — так много тяжких потерь.

Я неловко поерзала на постели.

— Хм... Слишком много информации, вот так внезапно... Я не уверена... — Я с трудом сглотнула. — А мне действительно необходимо присутствовать лично? Ну, в смысле, это дальний путь, и, если честно, — я не была близка... — Слово *отец* снова застряло у меня в глотке, и я быстро нашла ему замену. — Я не знаю, насколько вы, миссис Моретти, в курсе всей ситуации, но я никогда даже не встречалась с мистером Кларком. Я всегда считала, что он обо мне не знает. В любом слу-

чае, он никогда не предпринимал попыток общения со мной, вот почему все это так неожиданно. Я совсем не знаю его семью, так что мое присутствие там может оказаться неуместным. И мне не хочется оставлять своего отца. Я нужна ему. Не могли бы мы сделать все это по факсу или по электронной почте?

Миссис Моретти какое-то время помолчала.

— Я знаю, что вы не принимали участия в жизни мистера Кларка, но он очень подробно выразил в завещании свои пожелания. Фиона, я не буду ничего скрывать. Он оставил вам некоторую собственность, и именно поэтому я думаю, что вам надо приехать, увидеть ее, все оформить и уже потом решать, что вы хотите с ней сделать.

— Собственность, — мои брови поднялись в изумлении. — В Италии? И сколько же это? В смысле — сколько это может стоить? — Я зажмурилась и потрясла головой. — Господи. Извините. Это произвучало так алчно. Я вовсе не жадный человек. Я просто очень удивлена. И смущена. Я не ожидала ничего подобного.

— Пожалуйста, не извиняйтесь, — сказала миссис Моретти. — Я застала вас врасплох. И я хотела бы рассказать вам больше о вашем наследстве, но я не знаю ничего, кроме того, что уже сказала. Все это довольно сложно. Ваш отец был британским подданным, так что это британское завещание. Завтра сюда приезжает юрист с оригиналами документов. Я просто посредник, который старается собрать всех тут, на месте, чтобы сообщить все детали.

Он был англичанин? Я всегда считала его итальянцем.

Прижав кулак ко лбу, я пыталась все обдумать. Мне только что сообщили, что я унаследовала от не-

знакомца какую-то собственность в Италии. Я не имела понятия, сколько она может стоить, но было бы глупо отказываться от нее. Видит бог, нам нужны были деньги. Папино лечение обходилось недешево.

Значит, так. Мне надо принять тот факт, что я должна немедленно купить билет в Италию, отпроситься с работы и придумать, как объяснить все это папе.

— Ладно, — сказала я. — Я постараюсь сегодня же взять билет. Куда мне лететь? В какой город?

Я услышала, как на том конце трубки шуршат бумаги.

— Вам надо лететь во Флоренцию. Я организую, чтобы вас там встретил шофер, который отвезет вас в Монтепульчано. У вас есть имейл, куда я могла бы прислать всю информацию и контактные телефоны? И не могли бы вы мне дать номер мобильного, который я внесла бы в документы?

— Да. — Я назвала всю нужную информацию, и миссис Моретти пообещала через несколько минут прислать мне сообщение.

Закончив разговор, я повесила трубку. Какое-то время просто сидела в постели, глядя широко раскрытыми глазами на одну из своих картин на стене — ту, где мне казалось, что я стою на краю высокого скалистого утеса и смотрю на бесконечное бурное море. Я написала ее год назад, незадолго до того, как мы расстались с Джейми. Меня пробрало холодом до костей, и я задрожала.

Мой биологический отец умер и почему-то вспомнил обо мне в своем завещании.

Отвернувшись от картины, я сбросила одеяло. Потом встала с постели, решив, что перед тем, как открыть компьютер и начать искать билеты, мне

необходима чашка кофе. Пока я искала и натягивала халат, ветер выл в застежках, как какой-то зверь, и я чувствовала, как меня затягивает в облако печали.

Он же *не был* мне настоящим отцом, пыталась я уговорить сама себя, потому что ну какое же отношение к отцовству имеют анализы ДНК? Нас не связывало с этим человеком ничего личного, ни любви, ни верности, никаких признаков, естественных для любой нормальной семьи. Миссис Моретти произнесла по телефону именно это слово. «В Тоскане состоится официальное прочтение завещания для членов семьи». Включая *меня*.

Я же даже не знаю, кто все эти люди. Его другие дети? Возможно, мои братья и сестры? Жена? Его братья? Сестры? Кузены? Мне не было места среди них, ну разве что туда не явятся другие незаконные дети вроде меня. Может, у нас даже найдется что-то общее. Но я понятия не имела, что именно. Я ничего не знала.

— Что-то ты рано встала для воскресенья, — сказала Дотти, когда я вошла в кухню.

Дотти — наша ночная сиделка. Она работала у нас уже много лет, и я обожала ее за то, что она всегда была бодрой. Во время работы она напевала себе под нос, красила волосы в розовый и лиловый, игриво кокетничала с папой, что всегда вызывало у него улыбку, даже в самые тяжелые дни. Все наши сиделки и помощники были чудесными, но никто, кроме Дотти, не удержался больше полутора лет. Они приходили и уходили, что в общем даже не было удивительно. Ухаживать за полностью парализованным человеком — работа не из легких.

— Ну да. Ты слышала, как звонил телефон? — спросила я.

— Слышала, но ты сняла трубку раньше, чем я успела подойти. Кого это угораздило звонить людям в семь утра в воскресенье?

Непонятно как я тут же придумала ответ:

— Моя начальница. Расскажу попозже, а как дела у папы? Как он спал?

— Как дитя.

— Хорошо, — ответила я. — Потому что сегодня же день кино.

Папа любил кино и настоящий театр, и для него было очень важно иногда выходить куда-то из дома. Раз в неделю Джерри, наш помощник по выходным, возил его на какой-нибудь утренний сеанс. А я использовала эту возможность и скрывалась в своей импровизированной студии в гараже, чтобы порисовать. Это была моя единственная возможность выбраться из плена домашних дел.

По крайней мере, папе повезло, что его руки до запястий хоть как-то двигались. Все наши сиделки год за годом изо всех сил старались сохранить тонус мышц. Благодаря этому папа всегда мог пользоваться компьютером и приложением для распознавания голоса и писать. В свое время он был довольно успешным писателем, автором триллеров, издавшим три книги, но в последнее время он писал статьи для организации, которую они с мамой создали в 1996 году для того, чтобы собирать деньги для исследований спинного мозга. Так что уже много лет папа не писал ничего художественного, кроме нескольких коротких рассказов. Думаю, романы отнимали у него слишком много сил, но, если честно, мне кажется, что они не так уж хорошо продавались. Первый, может, и да, а второй и третий стали для издателя разочарованием.

И я могу предположить, что в свое время это было очень тяжело для папы. Единственное, что он мог делать, — это писать.

Если не считать этого, он был самым отважным человеком из всех, кого я знаю. Его спинной мозг был поврежден в аварии, случившейся еще до моего рождения, так что я никогда не видела его передвигающимся самостоятельно. Но, подрастая, я всегда знала, что он любит меня и я для него ценнее всего на свете. И я никогда не считала его неполноценным в сравнении с отцами других детей. Я знала, что у нас все по-другому, но не чувствовала себя в чем-то обделенной, и на это у меня было множество разнообразных причин.

Например, когда я была маленькой, он позволял мне сидеть у себя на коленях, разъезжая по дому в своем электрическом кресле-коляске и выписывая круги, пока я не закатывалась смехом. Кресло передвигалось нажатием кнопки, и он управлял им с помощью пульта, который давал и мне, даже когда я была еще совсем мала. Мы с ним устраивали полнейший беспорядок, когда я врезалась в столы, опрокидывала лампы и роняла с полок шкафов стопки книг. *Ооопс*, было тогда нашим любимым словом, и мы оба знали, что это сердит маму, которой приходилось убираться за нами. Все это было еще до того, как нам понадобились круглосуточные сиделки. Мама была готова ради отца на все, и эта ее привязанность к папе передалась и мне. До своих восемнадцати лет я была абсолютно уверена, что мы из-за всех ежедневных трудностей — самая любящая и сплоченная на свете семья, особенно когда папе приходилось находиться в больницах из-за многочисленных инфекций, каждая из которых могла убить его. Тогда он был очень хрупок и уязвим. Как и сейчас.

Но потом мама внезапно умерла от аневризмы сосудов мозга, и я узнала про секреты и ложь. Тогда мне открылось, что люди не всегда таковы, какими стараются казаться. Конечно, кроме моего папы. Он всегда был настоящим. И все, чего я хотела после маминой смерти — это защищать его и заботиться о нем, чтобы он был здоров и счастлив. Я не могла потерять и его тоже.

И потому хранила мамин секрет.

— Так вот, насчет звонка... — обратилась я к Дотти, которая опускала в тостер кусок хлеба для меня.

— Что было нужно этой твоей начальнице? — спросила она. — Надеюсь, это что-то важное.

— Да, — ответила я. — Она попросила меня заменить ее на той неделе на конференции в Лондоне. Она должна была там выступать с презентацией, но свалилась с желудочным гриппом и спрашивала, не смогу ли я поехать вместо нее.

Дотти взглянула на меня.

— Правда? В Лондон? В Англию? Туда, где живет королева?

Я хихикнула.

— Ну да, это то самое место. Мне придется лететь ночным рейсом сегодня или завтра.

— А ты согласилась?

— Ну конечно. Какой идиот откажется от бесплатной поездки в Лондон?

Сначала я собиралась придумать конференцию в Италии, что было бы более правдоподобно, но побоялась упоминать об Италии папе, потому что авария случилась именно там. Это был самый страшный случай в его жизни, и ему могло бы быть неприятно говорить об этой стране или думать, что я туда еду. Лондон позволял вообще исключить всякое упоминание о Тоскане.